

На выставку в Ясную Поляну его поделки брали. По описи принимали. Вернули на три работы меньше. Где-то поломались, потерялись.

А вы думаете, одни жековские сантехники халтурят? Музейные командиры действуют не хуже.

фов — это для него вообще сейчас пустяк. Знаменитого писателя Шукшина с дочкой сделал очень похожими.

Шутейные народные сюжеты — из липы, но ни в коем случае не липовые — переполняют дом. Деревянные коняшки и аппетитные бабы с коромыслами громоздятся на столах, комодах, столах и подставках. Пиршество глазу, удивление мозгам.

— Это не выдумки. Я это с открыток делаю, с газетных картинок.

Родная «Орловская правда» лежит на виду, душу греет. Наш человек Карпунин.

И опять храмы, храмы. Китайская пагода в метр ростом, шатровая колокольня из тех же Кижей, рядом какая-то затейливая фантазия из четырёх тысяч спичек.

У входа во двор два витязя, у одного рука на калитке-дверце. Тронешь дверцу — а будто не ты её открыл, а тот витязь.

— Ладно, это работа грубая. Грубая не грубая, но ни в одном городском парке такого не увидишь.

ЯБЛОНЕВАЯ ЦЕПОЧКА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

С самого пятидесяти шестого года, когда здесь, в деревне Волково, что под Мценском, поселился и дом узорный себе поставил. Тогда ещё жена жива была и дети ещё не разъехались, токарил ещё в совхозе и во Мценске, и на домашнюю резьбу одни ночи оставались.

— Вот Спасская башня со звездой, тогда сделал. А вот буддийский храм, это уже в семидесятом.

За Будду тогда ругали меньше, чем за Христа, — безобидной экзотикой виделся. Вот и наслаждался им Карпунин: пятьдесят три статуи на том храме насадил.

— Все снимаются.

Статуйки дециметровые, а сам храм — в полтора метра.

Да если бы он один. Два десятка таких же больших и скрупулёзных изваяний сияют вдоль просторных стен дома. Православные соборы и церкви.

— Обобщённые имитации? — Куда! С фотографий делаю, размеры снимаю.

В точность после этого ещё более не верится, но вот знаменитая церковь в Кижях. Двадцать две резные луковки, одна к одной.

— Должны быть двадцать три.

— Как это?

— Да пишут так. Хотел все усидеть — одна ни в какой чертёж не укладывается. Так и сделал без неё.

— А что за чертежи? Показывает. Невзрачнейшие жур-

нальные фото, а рядом собственные по ним карандашные размеры.

— Вот видишь Покровскую на Нерли? Сделал когда-то, а сейчас её лучшую фотографию увидел. Буду по ней переделывать.

— А эту ломать?

— Зачем? Пусть стоит. Рядом через год будет новая стоять.

Храм Христа Спасителя, Успенская в Кижях, старовер-

ческий дом-молебня... И так целых три ряда вдоль стенок.

— Как же это можно сделать?

— Два года на храм — и готово.

Фото Виктора БАЛАКИНА.

— Ладно, вы на цепь гляньте, это было самое сложное дело.

Протягивает ажурную цепочку. Боюсь её коснуться, она же из дерева, вдруг хрупнет.

— Вот и я боялся, когда делал. Полгода на неё ушло. Из цельного яблоневого куска.

Яблоня крепче липы, но ведь сечение каждого звёнышка всего два с половиной миллиметра. А диаметр двенадцать миллиметров. А всего тут семьдесят три звена.

Не могу постичь. Осторожно перебираю цепочку. Нигде нет ни склейки, ни трещинки. Была бы хоть одна — вся затея насмарку.

— У меня после неё — глянь — палец до сих пор сточен. А шесть лет прошло.

Его никто не учил. Сам до всего дошёл. Двадцать резных горелье-

— Ваши поделки за валюту продавать можно.

— Кому это тут нужно? Я просто так, для интереса.

И дарит разборную деревянную головоломку:

— Разбери, а потом попробуй опять собрать.

Втроём голову ломаем — до сих пор не собрали.

Восемьдесят пять ему стукнет в марте. К такому возрасту люди обычно из ума выжидают, ложку мимо рта несут. А Фёдор Фёдорович смеётся:

— Что, на балалайке сыграть? И на гармошке, и на мандолине могу.

Играет, приятным винным запахом обдаёт, лукаво щурится:

— Очки у меня плюс шесть, а так всё нормально.

Мастерская завалена поленьями. Какое в топку идёт, какое — на тонкую поделку.

Где-то в умных столицах этакому умельцу сделали бы мастерскую с мраморными стенами, а Карпунин под простым навесом управляется, на затрапезном ломаном станке кузнечничает. Доводку делает на кухне, обычным ножиком.

Необъяснимый, неистребимый русский талант. После такой великой встречи жить хочется.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

